

Научная статья

УДК [911.3+2-67] (630)

DOI: 10.17072/2079-7877-2026-1-40-50

EDN: JGCTNV

ГОРОДСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЭФИОПИИ**Иван Андреевич Захаров¹, Алина Евгеньевна Захарова²**¹ Институт Африки Российской академии наук, г. Москва, Россия^{1,2} Институт географии Российской академии наук, г. Москва, Россия¹ vanszax@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3838-169X² alina.zax@mail.ru, ORCID: 0009-0001-8586-3993

Аннотация. Статья нацелена на уточнение закономерностей развития религиозной конкуренции на микроуровне конфессионального геопространства на примере городов Эфиопии по материалам переписей населения. Авторы с некоторыми дополнениями повторяют методологические подходы, использованные нашими предшественниками для глобальных городов и важнейших городов Индии, в основе которых лежит расчет модифицированного индекса религиозной мозаичности (индекс Горохова). Такая преемственность позволила определить, что глобальные закономерности в общем виде повторяются и в Эфиопии, однако имеют страновую специфику. Так, людность эфиопских городов, так же как и в случае глобальных городов, не влияет на их религиозную мозаичность, однако линейной зависимости этого показателя от ранга в нашем случае не выявлено. Обнаружено «нестандартное» распределение городов по уровню их религиозной мозаичности – для Эфиопии почти для трети городов она оказалась ниже регионального уровня, хотя для Индии и глобальных городов это было нехарактерно. Определена практически повсеместная тенденция сокращения разрыва в уровне религиозной мозаичности между городами и регионами Эфиопии, что указывает на распространение религиозной конкуренции на новые территориальные уровни, которое в одних случаях происходило от города к селу, а в других – от села к городу. На примере регионов Амхара, Тыграй, Сомали дополнена закономерность о взаимосвязи между уровнем религиозной мозаичности с особенностями развития религиозной конкуренции – при укреплении позиций доминирующей религии уровень религиозной мозаичности городов снижается в связи с вытеснением религиозных меньшинств. Специфика Эфиопии объясняется авторами, во-первых, относительно низкой в сравнении с глобальными городами привлекательностью эфиопских городов для инокультурных мигрантов, слабым развитием процессов урбанизации, особенностями условий религиозной конкуренции, во-вторых, тем, что Эфиопия проходит фазу религиозного паритета, отличающуюся высокими значениями индекса Горохова и интенсивной религиозной конкуренцией.

Ключевые слова: религиозная конкуренция, города, религиозная мозаичность, Эфиопия, конфессиональное геопространство

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания ИАФР РАН и ИГ РАН. Анализ статистических данных осуществляется в рамках темы ГЗ № 1024031300209-5-5.6.1 (FMZE-2025-0012), сбор и обработка данных – в рамках темы ГЗ № 124032900015-3 (FMWS-2024-0008).

Для цитирования: Захаров И. А., Захарова А. Е. Городское измерение религиозной конкуренции на примере Эфиопии // Географический вестник = Geographical bulletin. 2026. № 1(76). С. 40–50. DOI: 10.17072/2079-7877-2026-1-40-50 EDN: JGCTNV

Original article

DOI: 10.17072/2079-7877-2026-1-40-50

EDN: JGCTNV

URBAN DIMENSION OF RELIGIOUS COMPETITION IN ETHIOPIA**Ivan A. Zakharov¹, Alina E. Zakharova²**¹ Institute for African Studies of the RAS, Moscow, Russia^{1,2} Institute of Geography of the RAS, Moscow, Russia¹ vanszax@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3838-169X² alina.zax@mail.ru, ORCID: 0009-0001-8586-3993

© Захаров И. А., Захарова А. Е., 2026

Лицензировано по CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, перейдите по ссылке <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The article aims to clarify the patterns of the religious competition development at the micro-level of confessional geospace, which is done using the example of Ethiopian cities based on population census data. With certain modifications, the authors replicate methodological approaches previously applied to global cities and the key cities of India, which are grounded in the calculation of the modified index of religious diversity (Gorokhov Index). This research continuity made it possible to establish that global patterns are, in general, repeated in Ethiopia, but exhibit country-specific features. The study has shown that population size in Ethiopian cities, as in the case of global cities, does not affect their religious diversity; however, no linear dependence of this indicator on the urban rank has been found. The study has revealed an “unconventional” distribution of the cities by the level of their religious diversity: for almost one third of Ethiopian cities, it was found to be lower than the regional level, which is not typical for India and global cities. There has been noted a nearly universal trend of decreasing differences in the level of religious diversity between Ethiopian cities and regions, this indicating the spread of religious competition to new territorial levels: in some cases – from city to the countryside, in the others – vice versa. The established relationship between the level of religious diversity and the development of religious competition has been complemented using the examples of the Amhara, Tigray, and Somali regions: when the dominant religion strengthens its position, the religious diversity in cities decreases due to the displacement of religious minorities. The authors explain the specificity of Ethiopia, firstly, by the relatively low attractiveness of its cities to migrants belonging to other cultures in comparison with global cities, the weak development of urbanization processes, and the particular conditions of religious competition; secondly, by the fact that Ethiopia is undergoing a phase of religious parity, characterized by extremely high values of the Gorokhov Index and intensive religious competition.

Keywords: religious competition, cities, confessional fractalization, religious diversity, Ethiopia, confessional geospace

Funding. This research was carried out as part of the state assignment undertaken by the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. Statistical data analysis was performed under state assignment project No. 1024031300209-5-5.6.1 (FMZE-2025-0012), data collection and processing were conducted under state assignment project No. 124032900015-3 (FMWS-2024-0008).

For citation: Zakharov I. A., Zakharova A. E. Urban dimension of religious competition in Ethiopia. *Geographical Bulletin*, 2026, no. 1(76), pp. 40–50. DOI: 10.17072/2079-7877-2026-1-40-50 EDN: JGCTNV

Введение

Города имеют принципиальное значение для развития религиозных организаций в силу их социально-экономического и политического веса, а также центрального положения в системе расселения [6; 11]. Благодаря этому города становятся привлекательным полигоном для работы религиозных организаций и одновременно плацдармом для дальнейшего расширения их миссионерского поля. Все это закономерно приводит к интенсификации религиозной конкуренции, которая еще более усиливается в условиях стремительной урбанизации, характерной для стран Африки.

Несмотря на значимость городов для развития конфессионального геопространства, городское измерение религиозной конкуренции достаточно редко попадает в поле зрения географов. Ярким исключением здесь выступает докторская диссертация С. А. Горохова, опубликованная в виде монографии [1; 2], в которой обозначенная проблематика рассматривается на примере глобальных городов и наиболее значимых городов Индии. В частности, в этой работе было определено несколько важных закономерностей развития религиозной конкуренции на микроуровне конфессионального геопространства:

1) Уровень религиозной мозаичности практически не зависит от людности глобальных городов, однако с ростом их ранга, обусловленным увеличением набора функций и экономической значимости, интенсивность религиозной конкуренции в них в целом повышается;

2) Религиозная мозаичность населения глобальных городов оказалась выше по сравнению с таковой в соответствующей стране или АТЕ;

3) Выявлена взаимосвязь между уровнем религиозной мозаичности с особенностями религиозной конкуренции: в тех случаях, когда доминирующая религия (в случае Индии – индуизм) замещалась активнее, значения уровня религиозной мозаичности городов и соответствующих штатов сближались, а там, где она сохраняла свои позиции, уровень религиозной мозаичности городов превышал таковой для штата. Исходя из второго сценария, пространственный механизм замещения индуизма другими религиями соответствовал логике иерархической диффузии – от крупных городов к малым и затем к сельской местности [2, с. 132, 137–138, 245–246].

Значимость указанных закономерностей видится в том, что они позволяют прогнозировать развитие конфессионального пространства определенной территории исходя из динамики уровня религиозной мозаичности в городах. Тем не менее С. А. Горохов в своих работах рассматривал только глобальные города и города Индии, что определяет необходимость проверки установленных им закономерностей на примере других территориальных полигонов и городов меньшего размера. В настоящей статье эта задача реализуется на примере Эфиопии. Ее выбор определяется тем, что религиозная конкуренция между христианством (православием и протестантизмом), исламом и этнорелигиями протекает здесь крайне интенсивно [7], усложняясь межэтническими противоречиями [9] и активизацией роста городов, который наблюдается в последние несколько десятилетий.

Материалы и методы исследования

Основные принципы изучения религиозной конкуренции на разных территориальных уровнях, в том числе на уровне городов, были заложены С. А. Гороховым в рамках докторской диссертации [2]. Им рассмотрена выборка из 125 глобальных городов (2010 г.), из них только 6 расположены в континентальной Африке, а также 71 наиболее значимого города Индии (2011 г.), к числу которых отнесены города-миллионеры, столицы штатов и союзных территорий, крупнейшие по людности города АТЕ, если они не являются их столицами. Для анализа использовался разработанный автором же модифицированный индекс религиозной мозаичности, который для краткости мы предлагаем называть индексом Горохова (ИГ):

$$\text{ИГ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2}{1 - 1/m},$$

где m – количество конфессий,

π – доля i -ой конфессии в конфессиональной структуре соответствующей территории.

Данный индекс позволяет оценить уровень религиозной мозаичности определенной территории. Для повышения информативности индекса используются следующие интервалы значений ИГ: 0,000–0,280 – для крайне гомогенных территорий, 0,281–0,556 – относительно гомогенных, 0,557–0,820 – относительно гетерогенных, 0,821–1,000 – крайне гетерогенных.

Предлагаемый С. А. Гороховым инструментарий применяется нами к Эфиопии с тем отличием, что, во-первых, мы рассматриваем города с меньшей численностью населения, не являющиеся глобальными городами, во-вторых, религиозная мозаичность рассматривается нами в динамике. Последнее позволило определить тенденции изменения религиозной мозаичности на разных территориальных уровнях, прежде всего городов и регионов. С этой целью производилось сравнение полученных средних значений индекса Горохова между корреспондирующими территориальным ячейкам (городам и регионам, в которых они расположены), что позволило идентифицировать увеличение или сокращение разрыва между ними.

В выборку вошло 58 городов, информация о конфессиональной структуре населения которых содержится в переписях населения 1994 и 2007 гг. [17]. Для проведения расчетов города Эфиопии были разделены в соответствии с классификацией городских поселений В. Г. Давидовича и Б. С. Хорева [13, с. 150] на пять рангов по численности населения: 1-й – более 1000 тыс., 2-й – 250–1000 тыс., 3-й – 100–250 тыс., 4-й – 50–100 тыс., 5-й – до 50 тыс. В силу роста численности городов в рассматриваемый период их выборка по рангам отличалась: если в 1994 г. рассматривалось 47 городов 5-го ранга, то в 2007 г. – только 38, соответственно, размер выборки по 4-му рангу увеличился с 6 до 9, по 3-му – с 2 до 8, оставшиеся 2-й и 1-й ранг не изменились – 2 и 1 соответственно. Также отдельно была рассмотрена группа городов, которые являлись региональными столицами. Это представляется необходимым не только для избежания перехода городов в другую группу по людности из-за изменения численности их населения в 1994–2007 гг., но и для оценки роли статуса городов в изменении религиозной мозаичности.

Для определения зависимости между размером городов и уровнем религиозной мозаичности используется линейная регрессия, которая проведена для городов в целом, региональным столицам, а также для 3-го, 4-го и 5-го рангов городов; по остальным рангам расчеты не проводились в силу размера выборки. С этой целью был произведен подбор аппроксимирующих функций (линейной, логарифмической, полиномиальной, степенной и экспоненциальной), которые позволили бы наиболее адекватно описать данную взаимосвязь. Кроме этого, индекс Горохова был рассчитан по регионам и Эфиопии в целом. В компонентной структуре конфессионального пространства страны рассматривались христианство, ислам, этнорелигии и «другие религии».

Результаты

Полученные результаты демонстрируют, что большинство моделей нельзя считать адекватными для описания данной зависимости (табл. 1). Так, для большинства уравнений регрессии коэффициенты детерминации (R^2) приняли низкие значения, а для разных групп городов «победителями» оказались разные модели, что указывает на сложный и неоднородный характер связи. При этом если для группы всех городов исключение из расчетов г. Аддис-Абеба, численность которого в 8 раз больше второго по величине города страны Ауассы (регион Сидама), не повлияло на результаты анализа, то для группы региональных столиц это привело к повышению репрезентативности модели, хотя R^2 все равно сохранил относительно низкие значения.

По отдельным рангам городов, судя по значениям R^2 , некоторые модели представляются более адекватными. Так, в 1994 г. для малых городов увеличение численности города на 10 тыс. чел. сопровождается небольшим уменьшением значения индекса Горохова – примерно на 0,009. R^2 хоть и принимает низкое значение (0,132), но все же мы получаем основание говорить о слабой линейной зависимости между рассматриваемыми показателями для этого ранга городов. Умеренная полиномиальная зависимость ($R^2 = 0,356$) обнаружена для городов 50–100 тыс. чел. в 2007 г. – максимальное значение индекса Горохова наблюдалось в городах с населением около 83 тыс. чел., снижаясь как в меньших, так и в больших по численности городах данной категории. На общем фоне выделяются города численностью 100–250 тыс. чел.: в 1994 г. ожидаемо в силу небольшой выборки выявлена практически идеальная линейная связь между размером города и религиозной мозаичностью. В 2007 г. наблюдалась умеренная линейная зависимость между размером городов этого ранга и

уровнем религиозной мозаичности, однако значение R^2 резко снизилось до 0,301 (табл. 1). Тем не менее смена типа аппроксимирующей функции по группам городов и годам, резкие колебания значений R^2 и низкая информативность графиков свидетельствуют о том, что выявленные в отдельных группах взаимосвязи носят скорее случайный характер.

Таблица 1

Table 1

Зависимость уровня религиозной мозаичности городов Эфиопии от численности их населения, 1994–2007 гг.
The relationship between the population size and religious diversity in Ethiopian cities (1994–2007)

Группы городов	Год	Победившая модель*	Уравнение регрессии	R^2
Все города	1994	степенная	$y = 0,8637x^{0,072}$	0,020
	2007	линейная	$y = 4 \times 10^{-8}x + 0,488$	0,002
Столицы регионов (без Аддис-Абебы)	1994	полиномиальная	$y = -6 \times 10^{-14}x^2 + 10^{-7}x + 0,524$	0,047
	2007	полиномиальная	$y = -5 \times 10^{-14}x^2 + 2 \times 10^{-7}x + 0,464$	0,132
До 50 тыс. чел	1994	линейная	$y = -9 \times 10^{-6}x + 0,702$	0,155
	2007	линейная	$y = -3 \times 10^{-7}x + 0,515$	0,001
50–100 тыс. чел	1994	полиномиальная	$y = 10^{-10}x^2 - 2 \times 10^{-5}x + 1,183$	0,035
	2007	полиномиальная	$y = -6 \times 10^{-10}x^2 + 0,0001x - 3,914$	0,356
100–250 тыс. чел	1994	линейная	$y = 3 \times 10^{-6}x + 0,243$	0,998
	2007	линейная	$y = -3 \times 10^{-6}x + 1,191$	0,301

* При $R^2 < 0,150$ ни одна из моделей не может считаться адекватной для описания зависимости. Рассчитано и составлено авторами по [17]

* With $R^2 < 0,150$ none of the models can be considered adequate to describe the dependence. Calculated and compiled by the authors based on [17]

В городах Эфиопии зависимость между их рангом и средним значением индекса Горохова оказалась нелинейной (табл. 2). В частности, в 1994 г. для 1-го ранга городов его значение было ниже, хотя для остальных рангов обозначенная закономерность все же повторялась – чем выше ранг города, тем выше средний уровень религиозной мозаичности. Тем не менее в 2007 г. эта закономерность была нарушена и в городах 4-го ранга, для которого значение индекса Горохова резко сократилось.

Вместе с этим значения и динамика данного индекса, рассчитанного для столиц регионов и всех городов из выборки, практически совпадали – разница между ними составила всего 0,013 д. ед. в 1994 г. и 0,009 д. ед. в 2007 г. (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

Динамика средних значений индекса Горохова в городах Эфиопии, 1994–2007 гг.
Dynamics of the average values of the modified religious diversity index (Gorokhov Index) in Ethiopian cities, 1994–2007

Размер городов, тыс. чел.	Индекс Горохова, д.ед.			
	1994	2007	Разница, 1994–2007 гг.	
			д. ед.	%
более 1000	0,466	0,572	0,106	22,7
250–1000	0,599	0,620	0,021	3,5
100–250	0,574	0,604	0,030	5,2
50–100	0,563	0,299	-0,264	-46,9
до 50	0,502	0,506	0,005	0,9
Все города	0,514	0,493	-0,021	-4,1
Столицы регионов	0,527	0,502	-0,025	-4,7

Рассчитано и составлено авторами по [17]

Calculated and compiled by the authors based on [17]

Интенсивность религиозной конкуренции в Эфиопии в целом оказалась значительно выше, чем в городах. Так, если страна в целом являлась «относительно гетерогенной» по уровню религиозной мозаичности, то города были «относительно гомогенными». Тем не менее в 1994–2007 гг. разрыв между ними сократился с 0,177 до 0,135 д. ед. (табл. 3).

При этом между регионами Эфиопии сохранились серьезные различия как по уровню религиозной мозаичности, так и по его динамике. Сопоставление значений индекса Горохова для городов и соответствующих регионов Эфиопии позволило разделить последние на две группы:

Первая группа представлена регионами Амхара, Гамбела, Оромия, а также Регионом наций, национальностей и народов юга (РНННЮ), где распространение религиозной конкуренции шло из сельской местности в города. На это указывают как историко-географические данные [23; 24], так и динамика индекса Горохова, которая в 1994 г. в городах была значительно ниже, чем в регионе в целом. Такая ситуация сохранилась

во всех этих регионах за исключением РНННЮ, где тем не менее превышение значений данного индекса для региона над городами было незначительно – всего 0,003 д. ед.

Вторая группа включает Афар, Бенишангуль-Гумуз, Сомали и Тыграй. В этих регионах города, отличающиеся более высокой религиозной мозаичностью, выступали плацдармами распространения религиозной конкуренции в сельскую местность.

В оставшихся городских регионах по понятным причинам различий между городом и регионом практически не фиксировалось, однако, учитывая их анклавное положение по отношению к Оромии, представляется допустимым отнести Аддис-Абебу к первому типу, а Дыре-Дауа и Харари – ко второму.

Проведенные расчеты указывают на практически повсеместное сокращение разрыва между регионом и городом – в 1994–2007 гг. разница значений индекса Горохова для них в целом снизилась, а в некоторых случаях стала почти незаметной (табл. 3). Исключением здесь выступает регион Амхара, где за рассматриваемый период этот разрыв увеличился на 0,110 – с 0,021 до 0,121 д. ед. При этом для первой группы регионов причины сокращения разрыва различались – в Гамбела произошло резкое падение значений индекса Горохова на уровне региона, в Оромии при общем увеличении религиозной мозаичности наблюдался ее более быстрый рост в городах, в РНННЮ, наоборот, при общем снижении религиозной мозаичности более быстрое падение происходило на уровне региона. В то же время во второй группе регионов, в Бенишангуль-Гумуз, Сомали, Тыграй, сокращение разрыва между городами и регионом обеспечивалось снижением религиозной мозаичности в городах.

Таблица 3
Table 3

Динамика средних значений индекса Горохова
по городам и соответствующим регионам Эфиопии, 1994–2007 гг.
Dynamics of the average values of the modified religious diversity index (Gorokhov Index)
for Ethiopian cities and corresponding regions, 1994–2007

Регион	Индекс Горохова по городам, д. ед.			Индекс Горохова по регионам, д. ед.			Разрыв в значениях Индекс Горохова между регионом и городом*, д. ед.		
	1994	2007	1994–2007	1994	2007	1994–2007	1994	2007	1994–2007
Аддис-Абеба	0,466	0,572	0,106	0,466	0,572	0,106	-0,263	-0,233	0,029
Амхара	0,583	0,451	-0,132	0,604	0,572	-0,032	0,021	0,121	0,101
Бенишангуль-Гумуз	0,952	0,934	-0,018	0,826	0,851	0,025	-0,126	-0,083	0,043
Гамбела	0,365	0,237	-0,128	0,615	0,241	-0,374	0,25	0,004	-0,246
Дыре-Дауа	0,936	0,830	0,106	0,934	0,828	0,106	-0,207	-0,024	0,182
Оромия	0,526	0,611	0,085	0,729	0,806	0,077	0,203	0,195	-0,009
Сомали	0,244	0,177	-0,067	0,047	0,062	0,015	-0,196	-0,114	0,082
Тыграй	0,404	0,317	-0,087	0,161	0,153	-0,008	-0,243	-0,164	0,079
Харари	0,963	0,858	-0,105	0,963	0,858	-0,105	-0,234	-0,052	0,181
Афар	–	–	–	0,165	0,235	0,070	–	–	–
РНННЮ**	0,561	0,497	-0,064	0,693	0,494	-0,199	0,133	-0,004	-0,136
Сидама	0,262	0,410	0,148	–	–	–	–	–	–
Центральная Эфиопия	0,909	1,000	0,091	–	–	–	–	–	–
Юго-Западная Эфиопия	0,527	0,443	-0,084	–	–	–	–	–	–
Южная Эфиопия	0,567	0,396	-0,171	–	–	–	–	–	–
Всего	0,505	0,488	-0,017	0,681	0,653	-0,028	0,176	0,165	-0,011

*Для Аддис-Абебы, Дыре-Дауа и Харари разрыв оценивается относительно региона Оромия.

** В 2020 г. из РНННЮ выделился регион Сидама, в 2023 г. – Юго-Западная и Южная Эфиопия, а оставшаяся территория получила название Центральная Эфиопия.

Рассчитано и составлено автором по: [17]

*For Addis Ababa, Dire Dawa, and Harare, the gap is estimated relative to the Oromia region.

** In 2020 the Sidama region separated from the SNNPR, and in 2023 Southwestern and Southern Ethiopia separated, while the remaining territory was renamed Central Ethiopia.

Calculated and compiled by the author based on: [17]

Обозначенные тенденции наблюдаются и в динамике распределения городов по величине индекса Горохова относительно региона (рис.). Это нашло свое выражение в увеличении числа городов, уровень религиозной мозаичности которых совпадал с таковым для региона, – с 16 до 22 в 1994–2007 гг., а их удельный вес увеличился с 27,6 до 37,9 %. В то же время число городов, где данный показатель был выше или ниже по сравнению с регионом, уменьшилось – с 19 до 17 %. и с 23 до 19 %, их доля соответственно снизилась – с 32,8 до 29,3 % и с 39,7 до 32,7 %.

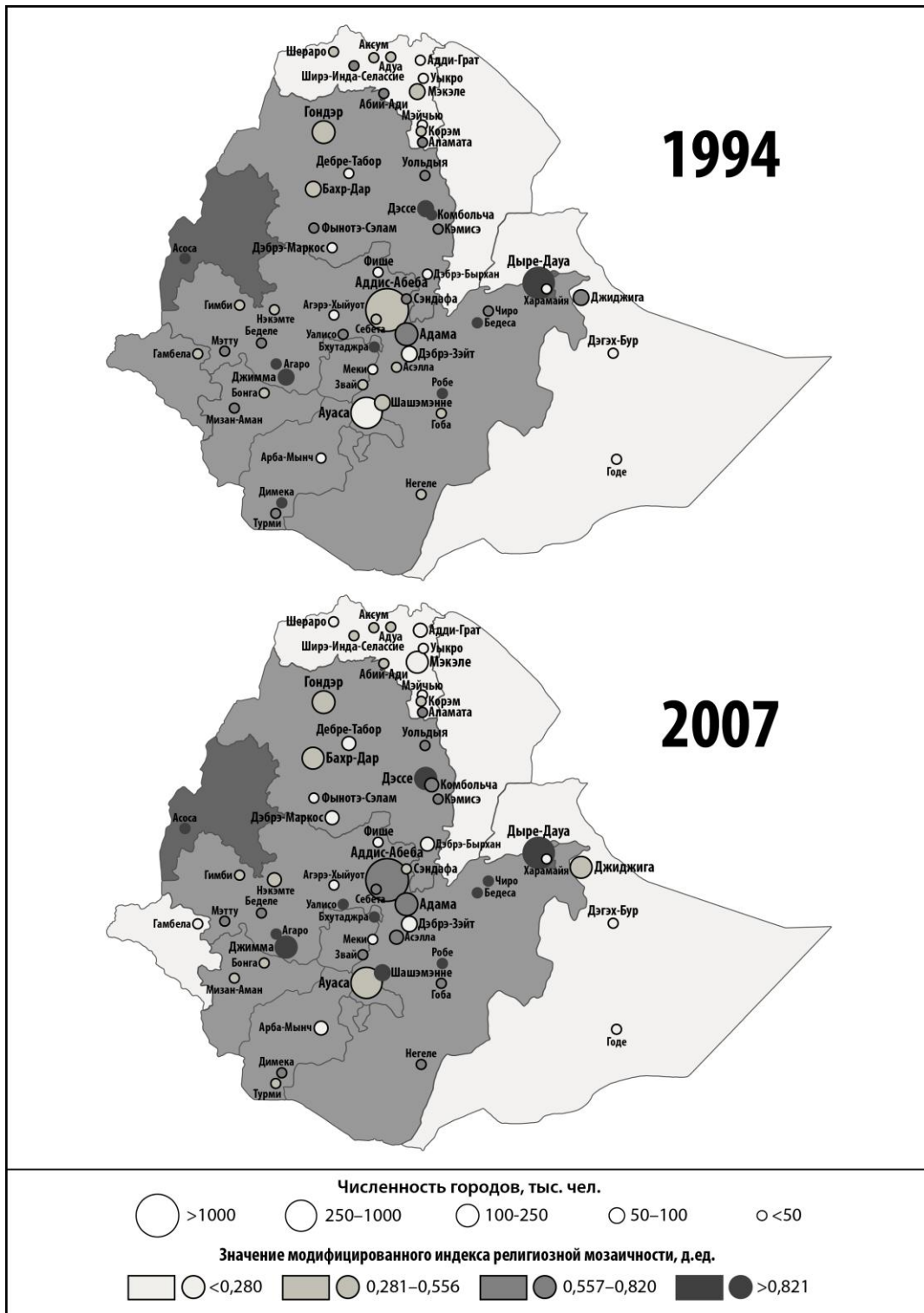

Рис. Динамика значений индекса Горохова по регионам и городам Эфиопии, 1994–2007 гг.

Рассчитано и составлено автором по: [17]

Fig. Dynamics of the modified religious diversity index (Gorokhov Index) across regions and cities of Ethiopia, 1994–2007. Calculated and compiled by the author based on: [17]

Интересно, что распределение городов Эфиопии по этим трем категориям заметно отличается от такового для глобальных городов, в которых религиозная мозаичность оказалась ниже по сравнению с показателями соответствующей страны только в 4,8 % случаев, совпала для 56,8 % и была выше для 38,4 % выборки [2, с. 132–137]; для городов Индии – это распределение выглядело следующим образом: 0,0, 54,2, 45,8 % [2, с. 245].

В Эфиопии снижение религиозной мозаичности было характерно прежде всего для городов, расположенных в регионах Тыграй, Амхара, Гамбела, в которых происходило укрепление позиций христианства (православия – в первых двух, протестантизма – в последнем), в Сомали – в связи с вытеснением христианства исламом, а также в РНННЮ – за счет конверсии адептов этнорелигий в христианство. При этом в Тыграй, Амхара и Сомали усиление доминирующей религии было обеспечено вытеснением религиозных меньшинств [22], что выразилось в снижении уровня религиозной мозаичности городов. Впоследствии, согласно [18], этот процесс усилился, что должно было привести к дальнейшему укреплению позиций доминирующих религий в этих регионах.

Имеющиеся материалы позволяют частично подтвердить связь между религиозной мозаичностью и особенностями религиозной конкуренции, в частности о том, что сближение значений индекса Горохова, рассчитанного для городов и соответствующих регионов, свидетельствует о постепенном ослаблении позиции доминирующей религии или же ее сохранении в случае превышения уровня религиозной мозаичности города над регионом [2, с. 245–246].

Эта закономерность находит свое подтверждение в Тыграй и Сомали, где индекс Горохова по городам был значительно выше, чем в регионе в целом, а позиция доминирующих религий (в первом случае – христианства, представленного преимущественно Эфиопской православной церковью, во втором случае – ислама) несколько укрепились. При этом, как было показано нами ранее [7], представленность религиозных меньшинств в этих регионах снизилась. В Гамбеле и РНННЮ, где индекс Горохова по городам был ниже, чем в регионе, христианство успешно вытесняло этнорелигии и ислам, благодаря чему доля его последователей выросла с 71,3 до 90,2 % и с 65,4 до 77,8 %, соответственно. Тем не менее параллель с Индией в случае этих регионов следует проводить с осторожностью, поскольку индуизм по уровню организации и «оформленности» вероучения принципиально отличается от этнорелигий [3], за счет которых росли христианство и ислам в Эфиопии. В Амхара христианство, так же как и в Тыграй, укрепило свои позиции, продолжив медленное вытеснение ислама, однако в рассматриваемый период города были менее мозаичными, чем регион в целом. В данном случае следует принять во внимание динамику религиозной мозаичности. Так, к 2007 году за счет сокращения доли мусульман в городском населении значение индекса Горохова для городов резко снизилось, а разрыв с регионом увеличился. Этот пример позволяет дополнить вывод: в тех случаях, когда доминирующей религии удается вытеснить своих конкурентов, разрыв в уровне религиозной мозаичности между городом и регионом увеличивается.

Рассматриваемая закономерность в общем виде наблюдается и в регионах, отличающихся крайне высокой религиозной конкуренцией между христианством и исламом, что в целом не характерно для Индии. Например, в Оромии при общем росте религиозной мозаичности наблюдалось заметное увеличение значений индекса Горохова в городах, расположенных в первую очередь в восточной и центральной части региона (рис.). Здесь после практически полного замещения этнорелигий мировыми религиями ислам начал активнее конкурировать с христианством [7; 8]. В результате в 1994–2007 гг. доля первого увеличилась с 44,3 до 47,5 %, а последнего сократилась с 50,5 до 48,6 %. Особенно заметно экспансия ислама проявляется как раз на уровне городов. Так, увеличение доли мусульман за счет ее снижения у христиан произошел в Агаро, Адама, Асэлла, Беделе, Бедеса, Гоба, Джимма, Звай, Мэтту, Негеле, Робе, Себета, Сэндафа, Фише, Харамая, Шашэмэнне, а также в Аддис-Абебе и Дире-Дауа; обратная ситуация в этой части Эфиопии наблюдалась только для Гимби, Нэкэмте, Уалисо, Чиро (рис.). Укрепление позиций ислама наблюдалось и в городах Бенишангуль-Гумуз, так же как и Оромия, характеризующемся паритетом христианства и ислама, – в рассматриваемый период доля мусульман в городском населении этого региона увеличилась с 25,6 до 27,9 %, а христиан сократилась с 73,7 до 71,1 %.

Обсуждение результатов

Таким образом, изучение городского измерения религиозной конкуренции в Эфиопии позволило дополнить результаты, полученные нашими предшественниками.

Во-первых, тезис об отсутствии строгой связи между людностью и уровнем религиозной мозаичности подтверждается. Имеющиеся данные хоть и указывают на слабую зависимость между численностью населения и религиозной мозаичностью для отдельных рангов городов, однако эта зависимость не отличается стабильностью, на что указывает смена «победившего» типа аппроксимирующей функции по группам городов и годам, резкие колебания значений R^2 .

Функциональная значимость городов, судя по разбросу значений индекса Горохова для региональных столиц, также не влияет напрямую на рост религиозной конкуренции в Эфиопии. Таким образом, на примере избранного полигона нам не удалось выявить схожие закономерности с глобальными городами, для которых более высокий ранг ассоциируется с ростом религиозной мозаичности. Такое различие можно объяснить тем, что в глобальных городах интенсификация религиозной конкуренции обеспечивается в значительной степени миграционным приростом «инокультурного» населения [12] – при этом, судя по всему, с увеличением ранга таких городов растет и их привлекательность для международных мигрантов [2]. Для городов Эфиопии увеличение числа инокультурных мигрантов, например в связи с переселением населения из мусульманских регионов в преимущественно христианские, не так характерно, хотя и может происходить во время засух, конфликтов и т.п. [19; 20]. Тем не менее, учитывая низкий уровень урбанизации Эфиопии, такие события в основном затрагивают сельское население, которое даже если и переселяется в города, то предпочитает

ближайшие, как правило, относительно небольшие населенные пункты [4; 16]. Это объясняет относительно низкое значение индекса Горохова для таких городов, как Аддис-Абеба, и экстремально высокие значения для небольших периферийных городов (рис.).

Во-вторых, если ранее проведенные исследования по Индии и странам Прибалтики [2; 10] демонстрировали, что уровень религиозной мозаичности городов соответствовал региону или был выше, то в Эфиопии значение индекса Горохова для трети городов оказалось значительно ниже по сравнению с регионом. Это можно объяснить различиями прохождения религиозно цикла (Р-цикла), отражающего процесс замещения одной религии другой [1]. Так, в Индии наблюдалась фаза устойчивого замещения, в странах Прибалтики, в большей степени затронутых циклом социально-политической секуляризации, проходили фазу религиозно-секулярного паритета (Эстония) или фазу окончательного религиозного замещения (Литва, Латвия), а Эфиопия – фазу религиозного паритета [2], которая отличается гораздо более интенсивной межконфессиональной конкуренцией на всех территориальных уровнях, в том числе на уровне городов. В связи с этим многообещающим направлением дальнейших исследований представляется проверка полученных результатов на примере стран, проходящих разные циклы религиозной конкуренции и разные фазы этих циклов.

Высокая доля городов Эфиопии, чей уровень религиозной мозаичности был ниже такового для региона, также объясняется «наследием» существовавшей ранее религиозной политики, которая выражалась в поддержке Эфиопской православной церкви. На протяжении большей части XX в. административные посты в городах страны занимали в основном представители ЭПЦ, которые могли использовать свою позицию для ограничения религиозной конкуренции [14]. Протестантские и мусульманские миссионеры сохраняли возможность работать практически только в сельской местности, где присутствие официальных властей было ограничено. С 1990-х гг. в стране начались демократические реформы, которые привели к либерализации религиозной политики, которая совпала по времени с масштабной экспансией протестантизма сначала в юго-западной Эфиопии, а затем в православных и мусульманских регионах. Ислам также существенно расширил свое геопространство за счет южных регионов, а также центральных и восточных зон Оромии [7]. Тем не менее наше полевое исследование, проведенное на юге Эфиопии в 2024 г., свидетельствует о том, что административный ресурс продолжает играть важную роль в обеспечении конкурентных преимуществ для религиозных организаций.

Судя по полученным результатам, изменения конфессионального пространства Эфиопии стали особенно заметны на уровне малых городов, по динамике конфессиональной структуры населения которых можно судить о тенденциях развития религиозной конкуренции на уровне соответствующего региона. В то же время региональные столицы, вероятно, можно считать индикатором соответствующих изменений на уровне страны в целом – на это указывает динамика и близость значений индекса Горохова для этой группы городов и всех городов Эфиопии (табл. 2).

В условиях активизации миссионерской деятельности разрыв в значениях индекса Горохова, рассчитанного для городов и соответствующего региона, сократился практически повсеместно, что может указывать на распространение религиозной конкуренции на новые территориальные уровни – в одних случаях этот процесс шел от села к городу (Амхара, Гамбела, Оромия, Регион наций, национальностей и народов юга, а также Аддис-Абеба), в других – от города к селу (Афар, Бенишангуль-Гумуз, Сомали, Тиграй, а также Дыре-Дауа и Харари).

В-третьих, выявленная ранее на примере Индии зависимость между религиозной мозаичностью городов и изменением положения доминирующей религии подтверждается и в Эфиопии. В частности, в тех случаях, когда религиозная мозаичность города и регионов находилась на одном уровне, доминирующая религия постепенно теряла свои позиции. При превышении уровня религиозной мозаичности городов над регионом позиции доминирующей религии сохранялись. Вместе с этим на примере региона Амхара установлен еще один вариант этой закономерности – увеличение разрыва в уровне религиозной мозаичности за счет ее снижения в городах при сохранении или небольшом уменьшении ее на уровне региона свидетельствует о вытеснении конкурентов доминирующей религией. Аналогичные процессы были характерны также для регионов Тыграй и Сомали, где наблюдалось относительно быстрое снижение значений индекса Горохова для городов при низкой религиозной мозаичности регионов в целом.

Важным фактором в изменении религиозной мозаичности городов выступают миграции из сельской местности не только в ходе урбанизации, но и в результате вынужденных перемещений, спровоцированных, например, засухами, конфликтами и пр. Как представляется, такие «вытесняющие» факторы затрагивают в большей степени религиозные меньшинства, которые зачастую оказываются более мобильными. Так, изменение религиозной мозаичности отдельных регионов Эфиопии связано с государственной программой переселения, которая была впервые реализована после голода 1980-х гг., а затем продолжена в 2003 г. Согласно [20], данная программа охватила регионы Амхара, Тыграй, Оромия, РННЮ и была нацелена на переселения 2,2 млн чел. из высокогорных регионов, испытывающих хроническую нехватку продовольствия, в плодородные низменности. Главной целью программы позиционировалось регулирование миграционных потоков, поскольку, происходя стихийно, они приводили к конфликтам с населением принимающих регионов. Реализация программы и достижение целевых показателей были возложены на представителей местной администрации, что, по словам Л. Хэммонд, приводило к принудительным выселениям, которые, вероятно, чаще затрагивали религиозные

меньшинства. По крайней мере в указанной статье автор отмечает, что большая часть переселенцев была мусульманами [21, р. 532]. Кроме этого, в некоторых случаях можно говорить о вытеснении конкурентов доминирующей религии, например религиозных меньшинств, в результате межконфессиональных конфликтов, которые наиболее заметны именно в городах [15; 22; 23; 24; 25], отличающихся более высокой религиозной мозаичностью, чем сельские поселения.

Выводы

В Эфиопии, проходящей фазу религиозного паритета, религиозная мозаичность на всех территориальных уровнях была достаточно высока, поэтому уровень значений индекса Горохова для городов значительно реже превышал таковой для региона. С переходом регионов Эфиопии в фазу окончательного религиозного замещения в будущем мы можем ожидать, что религиозная мозаичность большей части городов из-за общего снижения индекса Горохова будет соответствовать региональному уровню или превышать его.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что уровень религиозной мозаичности не связан с людностью городов, а определяется другими факторами. Представляется, что ведущую роль в относительном увеличении этого показателя для городского населения Эфиопии может сыграть урбанизация и рост экономического потенциала городов, который может повысить их привлекательность для инокультурных мигрантов при условии соблюдения принципов принятой в стране религиозной политики.

В рассматриваемый период наблюдалось практически повсеместное сокращение разрыва в уровне религиозной мозаичности между городами и соответствующими регионами Эфиопии, что указывает на распространение религиозной конкуренции на новых территориальных уровнях. Авторами впервые показано, что этот процесс может происходить не только «сверху – вниз», то есть от города к селу, но и «снизу – вверх», то есть распространяться от села к городу.

Второй сценарий наблюдается в Амхаре, Гамбеле, Оромии, Регионе наций, национальностей и народов юга и в выделенных из него АТЕ, а также Аддис-Абебе, где Эфиопская православная церковь, пользуясь административной поддержкой, до последнего времени сохраняла свое доминирующее положение в городах. С либерализацией религиозной политики конкурирующие конфессии получили возможность действовать в них более открыто, что нашло свое выражение в росте индекса Горохова.

Первый сценарий характерен для Афар, Бенишангуль-Гумуз, Сомали, Тыграй, а также Дыре-Дауа и Харари. Здесь работа новых для этих регионов конфессий в сельской местности остается затруднена даже в условиях демократических реформ, которая тем не менее открыла им возможность работы в городах, где фиксируется рост религиозной мозаичности.

Сравнение динамики уровня мозаичности городов и соответствующих регионов представляется важным индикатором изменения положения доминирующей религии. На примере Индии нашими предшественниками было показано, что совпадение уровня религиозной мозаичности для городов и регионов указывает на вытеснение доминирующей религии, а опережение городами региона указывает на сохранение ее позиций. Опыт Эфиопии демонстрирует, что более низкий уровень религиозной мозаичности городов может свидетельствовать об укреплении позиций доминирующей религии. Такое поведение индекса Горохова в ряде случаев, например в Амхара, Тыграй, Сомали, объясняется вытеснением религиозных меньшинств, которое активнее шло в городах.

Динамика религиозной мозаичности для региональных столиц Эфиопии в рассматриваемый период отражала тенденции развития конкуренции между конфессиями по совокупности всех городов из выборки, т.е. на страновом уровне. В то же время изменение значения данного показателя для малых городов в целом отражали соответствующие преобразования на региональном уровне, по крайней мере, в тех случаях, когда конкуренция между конфессиями не ограничивалась. В этом контексте важно уточнить полученные нами и нашими предшественниками закономерности на примере стран, которые проходят разные циклы религиозной конкуренции с учетом типов отношений на рынке религий [5].

Библиографический список

1. Горохов С. А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: Юнити-Дана, 2020. 235 с.
2. Горохов С. А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. М., 2017. 394 с.
3. Горохов С. А. Индия. Религия, демография и политика // Азия и Африка сегодня. 2011. № 7(648). С. 24–32.
4. Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // Современная Европа. 2020. № 7(100). С. 132–143. doi: 10.15211/soveurope72020150161
5. Горохов С. А., Дмитриев Р. В., Агафошин М. М. Религия и государство: типы отношений на рынке религий // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 3. С. 65–79. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-106-3-65-79
6. Дмитриев Р. В. Теория центральных мест: от статики к динамике. М.: Институт Африки РАН, 2023. 204 с.
7. Захаров И. А. Динамика конфессионального пространства Эфиопии в условиях демократических преобразований // Известия РАН. Серия географическая. 2023. № 5. С. 690–700. DOI: 10.31857/S2587556623050096
8. Захаров И. А. Факторы поляризации конфессионального пространства Эфиопии // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2016. № 4(53). С. 179–190.

9. Исмагилова Р. Н. Эфиопия: трудный путь к миру // Ученые записки Института Африки РАН. 2023. № 3(64). С. 75–92. DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-75-92
10. Кроток Р. Н. Трансформация конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX – начале XXI вв. дис. ... канд. геогр. наук: 1.6.13. СПб., 2025. 203 с.
11. Манakov А. Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX – начале XXI в. // Географический вестник. 2019. № 2(49). С. 13–24. DOI: 10.17072/2079-7877-2019-2-13-24
12. Слукa Н. А. Парадоксы миграционного движения населения в глобальных городах / География мирового развития. Выпуск 2 / под ред. Л. М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 143–158.
13. Хорев Б. С. Проблемы городов: урбанизация и единая система расселения в СССР. М., 1975. 428 с.
14. Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М., 1978. 327 с.
15. Antiegn G. K. An Assessment of religion, peace and conflict in the post 1991 of Ethiopia // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. No. 4. P. 607–614. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-607-614
16. Berhanu B., White M. War, famine, and female migration in Ethiopia, 1960–1989. Economic Development and Cultural Change. 2000. No. 1 (49). P. 91–113. DOI: 10.1086/452492.
17. Ethiopia Statistics Service [2025]. URL: ess.gov.et (дата обращения: 04.09.2025).
18. Ethiopia: persecution dynamics, 2025. open doors international [2025]. URL: https://www.opendoors.org/persecution/reports/Ethiopia-Full_Country_Dossier-ODI-2025.pdf (дата обращения: 25.08.2025).
19. Ezra M. Ecological degradation, rural poverty, and migration in Ethiopia: a contextual analysis. New York: Population Council, 2001. DOI: 10.31899/pgy6.1052
20. Ezra M., Kiros G. E. Rural out-migration in the drought-prone areas of Ethiopia: a multi-level analysis // International Migration Research. 2001. No. 3(35). P. 749–771. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2001.tb00039.x
21. Hammond L. Strategies of invisibilization: how Ethiopia's resettlement programme hides the poorest of the poor // Journal of Refugee Studies. 2008. No. 4(21). P. 517–536. DOI: 10.1093/jsr/fen041
22. Hausteijn J., Østebø T. EPRDF's revolutionary democracy and religious plurality: Islam and Christianity in post-Derg Ethiopia // Journal of Eastern African Studies. 2011. No. 4. P. 755–772. DOI: 10.1080/17531055.2011.642539
23. Østebø T. Religious dynamics and conflicts in contemporary Ethiopia: Expansion, Protection, and Reclaiming Space // African Studies Review. 2023. No. 3. P. 721–744. DOI: 10.1017/asr.2023.11
24. Serawit B. D. Religion and politics in post-1991 Ethiopia: making sense of Bryan S. Turner's 'Managing Religions' // Religion, State and Society. 2018. No. 1. Pp. 26–42. DOI: 10.1080/09637494.2017.1348016
25. Waga A. A., Berhanu K. Z. Political reform and religious violence in some Ethiopian regions since 2018: Evidence from Sidama, Somali, and Oromo // Social Sciences & Humanities Open. 2024. Vol. 10. DOI: 10.2139/ssm.5055900

References

1. Gorokhov S. A. *Geografiya religii: tsikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva* [Geography of Religions: Development Cycles of the Global Religious Landscape]. Moscow: Unity-Dana, 2020, 235 p. (In Russ.)
2. Gorokhov S. A. *Dinamika konfessional'nogo geoprostranstva mira pod vliyaniem religioznoj konkurencii* [Dynamics of the confessional geospatial world under the influence of religious competition]. Extended abstract of D.Sc. dissertation. Moscow, 2017. 394 p. (In Russ.)
3. Gorokhov S. A. Indiya. Religiya, demografiya i politika [India. Religion, demography and the policy]. *Asia and Africa Today*. 2011, no. 7, pp. 24–32. (In Russ.)
4. Gorokhov S. A., Agafoshin M. M., Dmitriev R. V. Somalis in Sweden: regional dimension. *Contemporary Europe*. 2020, no. 7(100), pp. 132–143. DOI: 10.15211/soveurope72020150161 (In Russ.)
5. Gorokhov S. A., Dmitriev R. V., Agafoshin M. M. Religion and the state: types of relations in the religious market. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 2022, no. 3, pp. 65–79. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-106-3-65-79 (In Russ.)
6. Dmitriev R. V. *Teoriya central'nyh mest: ot statiki k dinamike* [Central place theory: from statics to dynamics]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2023, 204 p. (In Russ.)
7. Zakharov I. A. Dynamics of the Ethiopian religious landscape during democratic transition. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, 2023, no. 5, pp. 690–700. DOI: 10.31857/S2587556623050096. (In Russ.)
8. Zakharov I. A. Faktory polarizatsii konfessional'nogo prostranstva Efiopii [The factors of religious and confessional polarization in Ethiopia]. *The Bulletin of the Ryazan State University named for S.A. Yesenin*, 2016, no. 4, pp. 179–190. (In Russ.)
9. Ismagilova R. N. Ethiopia: difficult way to peace. *Journal of the Institute for African Studies*, 2023, no. 3, pp. 75–92. DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-75-92 (In Russ.)
10. Krotok R. N. *Transformatsiya konfessional'nogo prostranstva Severo-Zapada Rossii i Pribaltiki v XIX – nachale XXI vv.* [The transformation of the confessional space of Northwestern Russia and the Baltic States in the 19th - early 21st centuries]. Extended abstract of Can.Sc. dissertation. Sankt Peterburg., 2025. 203 p. (In Russ.)
11. Manakov A. G. Transformation of the territorial structure of the confessional space of Russia in the XX – the beginning of the XXI century. *Geographical Bulletin*, 2019, no. 2, pp. 13–24. DOI: 10.17072/2079-7877-2019-2-13-24 (In Russ.)
12. Sluka N. A. Paradoксы миграционного движения населения в глобальных городах [Paradoxes of the migration movement of the population in global cities]. *Geografiya mirovogo razvitiya, Vypusk 2*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2010, p. 143–158. (In Russ.)
13. Khorev B. S. *Problemy gorodov: urbanizatsiya i edinaya sistema rasseleniya v SSSR* [Problems of cities: urbanization and a unified settlement system in the USSR]. Moscow, 1975. 428 p. (In Russ.)
14. Yag'ya V. S. *Efiopiya v noveishee vremya* [Ethiopia in modern times]. Moscow: Mysl', 1978. 327 p. (In Russ.)
15. Antiegn G. K. An assessment of religion, peace and conflict in the post 1991 of Ethiopia. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019, no. 4, pp. 607–614. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-607-614 (In Russ.)

16. Berhanu B., White M. War, famine, and female migration in Ethiopia, 1960–1989. *Economic Development and Cultural Change*. 2000, no. 1(49), pp. 91–113. DOI: 10.1086/452492
17. Ethiopia Statistics Service. URL: ess.gov.et (Accessed 04 September 2025).
18. Ethiopia: persecution dynamics, 2025. open doors international. URL: https://www.opendoors.org/persecution/reports/Ethiopia-Full_Country_Dossier-ODI-2025.pdf (Accessed 25 August 2025).
19. Ezra M. *Ecological degradation, rural poverty, and migration in Ethiopia: a contextual analysis*. New York: Population Council, 2001. DOI: 10.31899/pgy6.1052
20. Ezra M., Kiros G. E. Rural out-migration in the drought-prone areas of Ethiopia: a multi-level analysis. *International Migration Research*, 2001, no. 3, pp. 749–771. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2001.tb00039.x
21. Hammond L. Strategies of invisibilization: how Ethiopia's resettlement programme hides the poorest of the poor. *Journal of Refugee Studies*. 2008, no. 4, pp. 517–536. DOI: 10.1093/jsr/fen041
22. Haustein J., Østebø T. EPRDF's revolutionary democracy and religious plurality: Islam and Christianity in post-Derg Ethiopia. *Journal of Eastern African Studies*, 2011, no. 4, pp. 755–772. DOI: 10.1080/17531055.2011.642539
23. Østebø T. Religious dynamics and conflicts in contemporary Ethiopia: expansion, protection, and reclaiming space. *African Studies Review*, 2023, no. 3, pp. 721–744. DOI: 10.1017/asr.2023.11
24. Serawit B. D. Religion and politics in post-1991 Ethiopia: making sense of Bryan S. Turner's 'Managing Religions'. *Religion, State and Society*, 2018, no. 1, pp. 26–42. DOI: 10.1080/09637494.2017.1348016
25. Waga A. A., Berhanu K. Z. Political reform and religious violence in some Ethiopian regions since 2018: Evidence from Sidama, Somali, and Oromo. *Social Sciences & Humanities Open*, 2024, vol. 10. DOI: 10.2139/ssrn.5055900

Статья поступила в редакцию: 04.09.25, одобрена после рецензирования: 30.10.25, принята к опубликованию: 12.03.26.

The article was submitted: 4 September 2025; approved after review: 30 October 2025; accepted for publication: 12 March 2026.

Информация об авторах

Иван Андреевич Захаров

Кандидат географических наук,
старший научный сотрудник,
Центр глобальных и стратегических исследований,
Институт Африки Российской академии наук;
123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1;
Научный сотрудник,
Лаборатория географии мирового развития,
Институт географии Российской академии наук;
119017, Москва, Старомонетный переулок, 29, стр. 4.

Information about the authors

Ivan A. Zakharov

Candidate of Geographical Sciences,
Senior Researcher, Center for Global and Strategic
Studies, Institute for African Studies of the Russian
Academy of Sciences;
30/1, Spiridonovka st., Moscow, 123001, Russia;
Researcher, Laboratory of Geography of World
Development, Institute of Geography of the Russian
Academy of Sciences;
29, bld. 4, Staromonetny pereulok, Moscow, 119017,
Russia

e-mail: vanszax@yandex.ru

Алина Евгеньевна Захарова

Младший научный сотрудник,
Центр глобальных и стратегических исследований,
Институт Африки Российской академии наук;
123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Alina E. Zakharova

Junior Researcher,
Center for Global and Strategic Studies, Institute for
African Studies of the Russian Academy of Sciences;
30/1, Spiridonovka st., Moscow, 123001, Russia

e-mail: alina.zax@mail.ru

Вклад авторов

Захаров И. А. – идея, обработка материалов, подготовка картосхем, написание и научное редактирование статьи.

Захарова А. Е. – сбор материалов, написание и научное редактирование статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Ivan A. Zakharov – the idea; material processing; mapping; writing and scientific editing of the article.

Alina E. Zakharova – material collection; writing and scientific editing of the article.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.